

Век. кин. - 1995. - 24 окт. - С. 7

Екатерина НОВИЦКАЯ-ХЕРВИ:

Когда занимаешься искусством, очень важно иметь детей

На концерт пианистки Екатерины Новицкой, ныне живущей в Бельгии, пришли в Большой зал консерватории сын Пастернака, дочь Нейгауза, внучатый племянник Скрябина... Катя вышла в длинном белом платье — XIX век какой-то, кунсткамера. И — давно забытый стиль музыкального достоинства: ни одного эффектного жеста, ни одного надрывного форте. Зато удивительная протяженность звука (не забудем: рояль инструмент ударный!). Умение на долю секунды мыслью опередить пальцы. Искусство преподнести текст автора от первого лица. Скорее интимное музицирование для круга близких лиц, чем архимедов рычаг.

Ни в каких рейтингах Новицкая не фигурирует. Живет очень счастливо, у нее пятеро детей. По-русски стала говорить с легким акцентом, гассирует.

— В 1978 году вы уехали в Бельгию навсегда. В Москве первый раз с тех пор?

— Да, и это инициатива Ростроповича. Два года назад он играл в Монсе, маленьком городке, где мы живем. Он пришел к нам, мы долго разговаривали. И он спросил: "А почему бы вам не вернуться, не поиграть в филармонических концертах?"

— Он вас слышал раньше?

— Думаю, да. Я была потрясена его предложением. Ведь до сих пор мне никто ничего отсюда не предлагал. А он сказал: "Ни о чем не беспокойся, я попытаюсь сам все устроить". Действительно, вскоре мне позвонили из Госконцерта, и вот я здесь.

— Среди ваших педагогов называют Тимакина, Оборина и почему-то Нейгауза. Разве вы занимались у Генриха Густавовича?

— Когда я была маленькой девочкой, Тимакин водил меня к большому, громадному музыкантам — на консультации. И раз десять, может быть, я была у Нейгауза, он меня слушал в домашней обстановке. Но для меня самый выдающийся педагог, конечно, Лев Николаевич Оборин. У него я занималась 11 лет. Он был очень добрый, спокойный. Мы не только занимались, мы говорили обо всем на свете — по два, по три часа.

— Бывало ли так, что вы играли ему что-нибудь, а он ничего не поправлял?

— Часто бывало. Лев Николаевич говорил: "Самое главное — музыку не тронь, чтобы личность композитора осталась. Если музыка остается верная, правдивая — делай, как хочешь. Хотя сам бы я это по-другому играл". Это совершенно изумительное у него было качество.

— И что он вот так безоговорочно в вашем исполнении признавал?

— Фантазию Шумана, "Сарказмы" и Пятую сонату Прокофьева.

— С Прокофьевым произошло тогда нечто феноменальное. "Взрослые" играли его заидеологизированно, а вас, ребенка, никакая словесная трактовка не касалась, вы его играли как глобального композитора, а не как узкосоветского, никакой "индустриальной мощи"...

— Все это благодаря Оборину. Мне было 13 лет, когда я поступила к нему в консерваторию. А до этого, в ЦМШ, я больше играла классику. Подготовила целиком шопеновскую программу на конкурс Шопена.

— Разве вы участвовали в конкурсе Шопена?

— Меня не пустили, а предупредили об этом недели за две. Теперь, когда жизнь немножко позади, я думаю, может, это было и к лучшему. А тогда я пережила шок. Правда, в это же самое время жизнь преподнесла мне подарок. В Москве гастролировал Артур Рубинштейн, и в ЦДРИ организовали с ним встречу. Играли Коля Петров, Алеша Наседкин и я. Минут пятнадцать всего играла, дирижер-минорный Ноктюрн Шопена и финал симфонической Сонаты. Дрожала ужасно. Рубинштейн сидел на сцене в кресле рядом со своей супругой. Когда я отыграла, он поднялся, погладил меня по головке и в волосы поцеловал. И сказал, что он обо мне еще услышит.

— Вас тогда называли "Софрониким в юбке" и "второй Юдиной". Честно говоря, что ли, не хватило, чтобы положить к ногам мир?

— Знаете, меня это совершенно не интересует. Для меня главное — найти в музыке правдивую, чистую эмоцию. Наверное, важно сохранить в жизни немножко детскую душу, которая видит мир глазами взрослого человека. Может, поэтому я так музыку Шуберта люблю — в ней нет никаких гримас "на публику". Но главное все-таки, чтобы было что сказать.

— Вас, видимо, так воспитали: вам есть что сказать в музыке.

— Мои мама и папа — это особая чудесная история. Мама совсем молоденькой поступила на первый курс истфака и слушала лекции у папы. А он долгие годы был деканом, специалистом по истории феодализма в России. Мама блестяще закончила университет, но, когда вышла замуж за папу и родились мы с братом, она забросила свою профессиональную карьеру и занималась только нами. У них с папой была разница в 24 года, но они очень между собой ладили. У нас была спокойная, солидная семья. Папа считал, это необходимо для развития детей, и физического, и духовного.

Клубные встречи

— Как вы начали заниматься музыкой?

— С мамой. Она не была профессиональной музыканткой, но очень хорошо в этом понимала. Когда мы с братом Андрюшей уже учились у Оборина, она сидела на уроках и все записывала. Мне было 15 лет, когда мама скончалась от инсульта. У меня все в голове запуталось, я не хотела больше музыкой заниматься, я даже больше жить не хотела. Меня тогда поддержала невестка Владимира Владимировича Софроничко, Ирина Ивановна. Она работала экскурсоводом в Музее Скрябина, и ей нравилось, как я играю. Она меня убедила, что мама мне всю жизнь свою посвятила и очень была бы моему настроению не рада...

— А какова судьба вашего брата Андрюши? Он тоже куда-то пропал.

— Андрюша — прекрасный музыкант. Но совершенно "не конкурсный". Без конкурсов трудно пробиться. А это так глупо! Ну, кто первый — Моцарт? Или Шуберт? Или Брамс? Кому дать гран-при — Горовицу? Софроничкому? Рубинштейну? Вот вы смеетесь...

— Смех сквозь слезы.

— Андрюша окончил консерваторию блестяще. Он очень скромный, живет под Москвой, преподает в училище, жена виолончелистка, четверо детей.

рит, потому что все боялись, что в консерватории в классах микрофоны и все записывается. Это такая общая болезнь была. Она даже теперь у меня в голове немножко осталась, понимаете?! Это так сразу из головы не выкинешь... И я считала: Малинин преувеличивает. Ведь если хорошо играешь и много работаешь — тебя обязательно будут приглашать в концерты. Но нет! Он оказался прав!

— Значит, все разговоры о том, что вы мало играли, потому что у вас пятеро детей, пустые?

— Меня даже с моей высокой премией не приглашали играть. Такое давление было на американских и европейских менеджеров: чтобы они не работали с советскими артистами, которые уехали.

— Может быть, я ослышалась? Значит, это был такой шантаж: не берите играть эмигрантов, а то не пошлем вам Гилельса и Ойстраха?

— Думаю, да.

— Смешно, что машиной такого давления был именно Госконцерт, который вас теперь пригласил...

— Конечно, на очень известных эмигрантов это не распространялось, на Ростроповича, например. Но я-то была совсем молодая, меня легко было в сторону отодвинуть. Поэтому в моей концертной жизни такие дыры. Но в моей личной творческой музыкальной жизни нет никаких дырочек! Я все эти годы занималась и по возможности выступала.

— И все-таки нельзя сказать, что дети совсем уж не мешают...

— Что вы! Через три недели после рождения старшей дочери Шарлотт я уже играла в Мадриде 20-й концерт Моцарта. А за три недели до рождения третьей дочки Леони — Первый концерт Прокофьева. Мы специально большая семья, это так задумано. Во-первых, когда мы с мужем в Бельгии поженились, у меня больше никого не было. А во-вторых, когда занимаешься искусством, очень важно иметь детей. А то можно закрыться в себе и стать эгоистом. Это сразу отразится на музыке. Когда о других думаешь больше, тебе воздается вдвойне. А если занимаешься только собой, собой, собой — потом тебе исполняется семьдесят лет, а у тебя такое странное впечатление от собственной жизни, не очень приятное... Дети и муж спасли меня от многих личных катастроф.

— Муж музыкант?

— Пианист. Это очень трогательная история. Ему было 17 лет, когда он меня услышал на конкурсе в Брюсселе. Он никогда раньше не занимался музыкой, а тут решил учиться. Оказался очень трудоспособный и скоро уже по памяти играл концерт Моцарта. Десять лет он учился в консерватории у Жака Жантти. Но когда мы поженились, жить было очень трудно, он больше, чем я, занимался детьми, он и секретарь мой был, и на кухне все делал — ведь мне не дай Бог, например, порезать палец.

— А дети учатся музыке?

— Ни один из пятерых. Я слишком хорошо знаю, что это такое. Самое страшное — даже не многочасовые занятия и физическая нагрузка, а сложность обстановки вокруг музыканта... Две старшие девочки ходят в колледж — изучают древнегреческий, латынь. Шарлотт очень любит детей; наверное, будет учиться на педиатра. Они сами у меня часто болеют...

— Вопрос очень конкретный: вместе с гран-при в Брюсселе вам тогда подавали еще и рояль. Где он теперь?

— Он остался у Андрюши.

— В городе Монсе знают, что у них живет замечательная пианистка?

— Конечно. Городок маленький, все друг друга знает. На улицу выйдешь — сразу 10 — 15 человек знакомых навстречу, начинаем болтать, как вчерашний день прошел, и так далее...

Отзвучали на концерте Моцарт, Шуман, Шуберт. Дарят много цветов — любимица! На бис Катя играет соль-диез-минорную Прелюдию Рахманинова. Ее вызывают снова и снова. Дверь за кулисы открыта, и видно, что там ждет дочь Шарлотт, тоже в длинном белом платье. Катя немного постояла за кулисами, посмотрела на дочку, подумала — играть еще или не играть? Потом они обнялись, крепко-крепко. И дверь закрылась.

Встречалась

Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимке: с дочерью Шарлотт.

Фото

Виктора СМОЛЯНИНОВА.